

Миросознание земледельца в русской литературе XIX столетия: горестно-обнадеживающий взгляд Чехова

Никольский С.А.

С. Н. Булгаков, один из знатоков и ценителей творчества А. П. Чехова, полагал, что именно горестно-обнадеживающий настрой доминантен для чеховского мировоззрения, для идейной тональности его произведений. Так, в лекции, прочитанной сразу после смерти писателя в 1904 г. в Ялте и Петербурге, философ замечает, что отсутствие под каждым из чеховских произведений точной даты написания, как бы указывает на их общий мировоззренческий контекст. По этой причине они и представляются нам "единым целым, проникнутым одним общим мировоззрением". В качестве метода анализа этого мировоззрения Булгаков предлагал суммирование возникающих при чтении мыслей и впечатлений. Конечно, в том, что это за впечатления, огромную роль играют художественные средства. Однако для понимания духовного мира художника и изображаемых им персонажей, подчеркивает Булгаков, важно остановить наше внимание не на художественной стороне, а на том, "что составляет святая святых в каждом человеке, будь он великий мастер или заурядный чернорабочий, **на его миросозерцании**" (выделено мной. - С. А.).

Данные наблюдения философа, как представляется, вплотную подводят нас к большому и до настоящего времени не реализованному проекту - через художественные произведения Антона Павловича попытаться дать представление о миросознании народа. Приходится, однако, ограничить проект определенными рамками. А именно: попробуем составить представление о миросознании двух важных, хотя и не самых многочисленных групп чеховских персонажей - крестьян и помещиков, объединенных общим понятием "земледелец". С этой целью в настоящей работе я обратился ко всему массиву прозы А. П. Чехова, собранному в его полном академическом собрании сочинений и писем в тридцати томах, - от коротких рассказов начального периода творчества до финальных драматических произведений, выделив в нем около семидесяти, в которых представлены персонажи земледельцев. При этом, естественно, основное внимание было уделено наиболее глубинным чертам и характеристикам, отмечаемым Чеховым в его героях, и выделены наиболее значимые сферы, в которых они проявляются. Таковыми мне представляются: отношения земледельцев с природой; их собственная природа, страсти, которыми они обуреваемы; отношения крестьян и помещиков между собой; отношения с городом и властью, религией и культурой. Это также их представления о собственности, праве и нравственности, где особое внимание уделено фигурам новой капиталистической эры, людям, выделившимся как из общины, так и из помещичьей среды, - важной приметы пореформенного периода российской истории.

В этой связи сразу же замечу, что главным вопросом, поставленным перед земледельцами фактом отмены крепостного права, был вопрос "что делать, как жить дальше?", то есть - о жизни в условиях объявленной сверху свободы, об основах и способах ее утверждения в обществе. Вопрос этот был равно важен и для крестьянина, и для помещика, поскольку логика собственного исторического развития не подводила их к новому способу общественного бытия, основанного на личной свободе, самостоятельности и ответственности⁵. Отмена крепостного права, на мой взгляд, оказалась не только одним из самых значительных, но и наиболее трудно переживаемым русским народом историческим явлением. В самом деле, если вести отсчет от рубежа крещения Руси - конца первого тысячелетия, то из этого исторического времени около трехсот лет приходится на жизнь в условиях иноземного завоевания, а с середины XVII до второй половины XIX в. - на существование в условиях новой неволи - крепостного права. За ничтожным исключением, нормой жизни крестьянства, да и немалой части мелких помещиков, всегда была разной степени несвобода и нужда, а нередко и нище-

та. Вот почему жизнь в новых экономических условиях, требовавшая активной деятельности личности, выделения из общественного целого, становится главной проблемой пореформенного периода.

Время это описывается многими литераторами. Однако, в отличие от скептически или религиозно-идеалистически настроенных писателей, Чехов считал, что изменения общественной жизни, ведущие к еще большей свободе, должны произойти довольно скоро. Так, по наблюдению М. Горького, сделанному в ноябре 1901 г., он (Чехов. - С. А.) полагал, "что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять-пятнадцать додерутся до конституции".

Итак, что же фиксирует Чехов в мирознании русского земледельца - помещика и крестьянина - в отведенное ему историей время наблюдения - от начала восьмидесятых годов XIX столетия до начала XX века?

1.

Что касается первоосновы мирознания земледельца, Чехов наследует традицию, основанную еще А. С. Пушкиным и И. С. Тургеневым. Как и его великие предшественники, он развивает мысль о глубинной связи (подчас - неразрывности, даже слитности) крестьянина, а часто и помещика, с природной средой и их зависимости от собственной природы - власти страстей. Чехов фиксирует, что в этой сфере русский земледелец меньше всего подвергся окультуриванию и очеловечиванию, что он, как и его далекие предки, по-прежнему неотрывен от природного бытия, со-природен лесу, реке, полю, подчинен живущим внутри него непреодолимым силам.

Органично въезжает в бесконечную степь обоз с шерстью, везущий в гимназию Егорушку (рассказ "Степь"). Природа, люди и обоз соединяются в сознании маленького героя в одно целое, неуничтожимое и как бы перетекающее друг в друга. Вот мальчик с двадцатилетним кучером Дениской, попрыгав для развлечения на одной ноге, ловят кузнечика, гладят его пальцами, а затем скармливают ему жирную муху, насосавшуюся крови. Кузнечик отъел мухе живот и снова, выпущенный на волю, затянул свою песню. Не погибла и муха - она расправила крылья и без живота полетела к лошадям.

Степь, как живое создание, воздействует на путешественников, держит их в своей благой власти. "Едва зайдет солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхает широкой грудью. Как будто от того, что траве не видно в потемках своей старости, в ней поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бывает днем; треск, подсвистывание, царапанье, степные басы, тенора и дисканты - все мешается в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить... О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова". Более того: природа кажется единой с защищающими человека божественными силами. Так, Егорушка видит, как зажглась, а потом угасла вечерняя заря, как "ангелы-хранители, застилая горизонт своими золотыми крыльями, располагались на ночлег".

Небо и земля столь тесно соединены друг с другом, что два пастуха, стерегущие в ночной степи овец (рассказ "Счастье"), как бы втиснуты между ними: старик лежит, положив локти на пыльные листья подорожника, а "над самым лицом" лежащего рядом молодого парня "тянулся Млечный путь и дремали звезды"⁹.

Впрочем, не только природа в представлениях человека довлеет над ним, но и человек словно распространяет свою жизнь на природу. В рассказе "Свирель" охотник ведет разговор со старым пастухом. Иносказательно сообщая собеседнику о заботящем его приближении смерти, старик говорит о также умирающей, как ему кажется, окружающей природе - исчезающих птице, звере, пчелах, рыбе. И солнцу, и небу, и рекам, и тварям - всему этому пропадать время пришло, - говорит старик. "Да, брат, куда ни взглянь, везде худо. Везде!".

Ощущение единства с природным целым не покидает крестьянина и тогда, когда он волею судеб оказывается в другом социальном статусе, как, например, отправленный умирать домой бывший крестьянин, а теперь бессрочноотпускной солдат из рассказа "Гусев".

Гусев плывет на пароходе, и возникающие у него новые ощущения требуют осознания. Пароход сильно качает, и Гусев воображает себе, что судно наскочило на рыбину, а бьющие в его бока ветры - как злые собаки, которые были прикованы где-то цепями, но теперь с цепей сорвались. Когда солдат засыпает, эти образы постепенно сменяются деревенскими, наполненными не только родными лицами, но деревьями, травами, животными. В полузабытьи Гусеву кажется, что за бортом парохода стоят быки и лошади. Они живые и тянутся к человеку. А вот море и пароход - бессмысленные и жестокие создания. Железное чудовище беспощадно режет миллионы волн, а море, будь у него силы, сожрало бы пароход. Ориентированное на природу мировоззрение пронизывает все существо Гусева, и чтобы подчеркнуть это, Чехов замечает, что когда солдат умирает, его зашивают в мешок и он "становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко...". Брошенное в воду тело принимается обитателями морских глубин совершенно спокойно, как естественная часть их мира, и даже наткнувшись на тело акула, лениво играет с ним, прежде чем начать рвать зубами. Создается впечатление, что этот мало что понимавший при жизни человек, к тому же выдернутый, подобно овощу, из родной почвы, как при жизни, так и в финале своего бытия, употребляется для какой-то неизвестной, чуждой ему, но неизмеримо более масштабной и значимой цели. Да и о человеке как таковом здесь вряд ли можно говорить. Гусев - скорее, частица, на время изъятая из природного целого и по прошествии времени в это целое возвращаемая.

Господство природы над человеком Чехов особенно отчетливо видит в проявлениях человеческих страстей, таких как, например, страсть к охоте. В рассказе "Рано!" старик Филлимон Слюнка и Игнат Рябов сидят в трактире и просят у хозяина дать им на время ружье Слюнки, которое тот заложил за давно пропитый рубль. Когда уговорить трактирщика не удастся, охотники без ружья все же идут к лесу и там, на опушке, "стоят как вкопанные, молчат, не шевелятся, и руки их постепенно принимают такое положение, как будто они держат ружья с взведенными курками...".

Егор из рассказа "Егерь" точно так же находится во власти своей страсти к охоте. Даже своевольный поступок барина, женившего Егора, дабы отвести его от охоты, так ничего и не меняет. Весь рассказ - краткий разговор Егора со случайно встреченной женой. Дома он не только не живет, но и заходит до крайности редко и объясняет это так: "...что я вашим деревенским занятием брезгаю, так это не из баловства, не из гордости. С самого младенчества, знаешь, я окромя ружья и собак никакого занятия не знал. Ружье отнимают, я за удочку, удочку отнимают, я руками промышляю. Ну, и по лошадиной части барышничал, по ярмаркам рыскал, когда деньги водились, а сама знаешь, что ежели который мужик записался в охотники или в лошадиники, то прощай соха. Раз сядет в человека вольный дух, то ничем его не выковыришь. Тоже вот ежели который барин пойдет вахтеры или по другим каким художествам, то не быть ему ни в чиновниках, ни в помещиках. Ты баба, не понимаешь, а это понимать надо".

Рассказ "Он понял!" - также повествование о всеобъемлющей охотничьей страсти, владеющей крестьянином Павлом Хромым, которая по силе своего воздействия на человека оказывается подобна иной страсти - страсти к спиртному. Сюжет незатейлив. Мы застаем Хромого крадущимся по лесной тропинке с целью убить мелкую и вовсе не охотничью птицу - скворца. Следом движется дворняга, которая, похоже, одолевается той же страстью, что и охотник. Эхо первобытного, звериного, инстинктивного зова, который слышит охотник, отдается в сказочной древности его оружия. Его ружье - "заржавленная трубка в аршин длиною, с прицелом, напоминающим добрый сапожный гвоздь, вделана в белый самодельковый приклад, выточенный очень искусно из ели, с вырезками, полосками и цветами". За незаконным занятием - охотой ранее разрешенного числа - Хромого застает господский приказчик.

Из дальнейшего монолога - исповеди крестьянина перед его судьей помещиком Волчковым, становится понятно, какие мучения он претерпел, борясь с искушением поохотиться: не пил, не ел, как дурной ходил. Водку пил - не помогает, тоска пуще прежнего. И все тянет

в лес, да к болоту. С тоски разбил ружье, а потом починил. Пробовал и на духу каяться. Батюшка сказал: баловство. Но Хромой определяет это иначе: "болеть... Все одно, как запой".

* * *

Отношения крестьян и помещиков между собой вскрывают не менее значимый мировоззренческий пласт, чем отношения с природой, - именно здесь обнаруживаются наиболее важные, связанные с практической деятельностью, проявления человека. Конечно, описанное Чеховым время внесло существенные корректировки в дореформенные отношения, однако того, что называлось пережитками крепостных порядков, и в это время было вполне достаточно. По наблюдениям Чехова, не только помещики, но и сами крестьяне часто не были готовы к тому, чтобы эти отношения менять. Рассказ "Новая дача", с этой точки зрения, представляет самый большой интерес.

Действие начинается с того, что возле деревни Обручановой строят большой мост. Строитель моста инженер Кучеров, которому приглянулись здешние места, перевозит сюда семью и строит дом, прозванный "новая дача". Приезжего инженера с семьей крестьяне по привычке числят новыми господами. Сама же основная масса крестьян - народ смиренный и бессловесный.

Рассказ этот вполне может считаться своеобразным социологическим очерком. Дело в том, что в обычной, "среднестатистической" пореформенной деревне периода безвременья еще не состоялась социальная дифференциация, способствовавшая выделению из числа крестьян новых активных элементов, и община продолжала определять индивидуальную жизнь своих членов. В то же время "негативно ориентированное", темное, подпитываемое в основном памятью о прошлых обидах, крестьянское самосознание уже дает о себе знать. Поэтому поняв, что "новые господа" на господ не совсем похожи: и жена инженера из бедной семьи, и инженер не штрафует крестьян за их проступки, не мстит им, а взывает к их совести и идеалам добрососедства ("Разве это по-соседски? ...Разве так поступают порядочные люди? ...За что же вы вредите мне на каждом шагу?") - крестьяне не находят в себе сил принять таких "господ". Со своей стороны, и семье инженера не достает терпения выстроить новые отношения с крестьянами. Инженер, кажется, не понимает, что в крестьянстве еще не сформирован адресат его проповеди - нравственная, выделившаяся из "роевого" общинного целого, самостоятельная и ответственная личность. Реальное же крестьянство продолжает жить в общинной "человеческой стае", в которой зачастую правят наиболее активные, хитрые, наглые и бессовестные, поскольку "община-стая", в известном смысле, живет по закону выживания сильнейших.

Рассматривая подобные коллизии, Чехов невольно оказывается вовлеченным в начавшийся в сороковых годах XIX столетия в русской философской мысли спор-конфликт между западничеством и славянофильством. Представленные в своих ранних вариантах П. Я. Чаадаевым, с одной стороны, и А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским и К. С. Аксаковым, с другой, эти воззрения, тем не менее, сразу же обозначили несовместимость кроющихся в них мирознаний. Ориентацией на создание условий для все большего высвобождения человека из общины, его переходом из "сообщества в общество" и построением механизмов для осуществления этого процесса, а в дальнейшем и всей общественной жизни, как известно, были озабочены "западники". И, напротив, провозглашение общины и продолжение жизни на условиях единства "крови, места и духа" (Ф. Теннис) как высшей точки истинно "русского способа бытия", отрицание идей правопорядка и индивидуальной нравственности как противных "русскому пути", отстаивали славянофилы. Именно эти позиции, их несовместимость и нередко доходящая до комизма противоречивость, просматривается в поступках, речах и мыслях чеховских героев. Вернусь, однако, к рассказу "Новая дача". После отъезда инженера в Москву мужики идут мимо дачи и думают, почему же они не ужились вместе и расстались, как враги?". Что это был за туман, который застилал от глаз самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и все мелочи, которые теперь при воспоминании кажутся таким вздором?. Чехов перечисляет "мелочи", которые застилали глаза инженеру, но ничего

не говорит о том, почему крестьяне не замечали добра, которое намеревались делать инженер и его жена. Или, может, действительно, крестьянам нужно было время, чтобы привыкнуть, а у новых господ терпения не достало.

Рассказ "Новая дача" - о столкновении двух миров, которые всегда существовали параллельно и никогда не делали попытки пересечься, согласоваться в своем бытии. При этом особая значимость рассказа с точки зрения интересующей меня темы не столько в том, что в нем описывается крушение конкретной попытки их (этих миров) взаимосогласования, сколько в том, что впервые обозначается единственно верный путь успеха: терпение и последовательное действие более сильной стороны, что позволит измениться стороне более слабой. В полной мере эта идея развивается Чеховым в рассказе "Моя жизнь".

Тема самостоятельного выстраивания жизни человека на основании его собственного взгляда на мир и самого себя в редком для Чехова позитивном ключе раскрывается на примере жизнеописания Мисаила Полознева. Герой - молодой человек, уже сменил девять должностей, так как на каждой должен был "сидеть, писать, выслушивать глупые, или грубые замечания и ждать, когда ... уволят". У Мисаила застарелый конфликт с отцом, для которого физический труд, которым хочет заняться Мисаил, "есть отличительное свойство раба и варвара". По мнению отца, для дворян, каковыми и являются Полозневые, труд должен быть исключительно умственным. В своих доводах отец упоминает, в том числе, и о благородных предках и традициях, презрев которые сын "стремится в грязь". Мисаил же полагает, что "общественное положение", о котором так печется его отец, "составляет привилегию капитала и образования", каковыми он не обладает. В результате, Мисаил начинает работать по маллярному и кровельному делу. За эту "работу не по чину" его третируют жители города, знакомые при встречах конфузятся, а влюбленная в него девушка просит не кланяться ей при встречах на улице.

Решение Мисаила нравственно безупречно и глубоко продумано. В спорах со знакомыми интеллигентами Мисаил в ответ на рассуждения о мировом прогрессе отвечает: "Вопрос - делать добро или зло - каждый решает сам за себя, не дожидаясь, когда человечество подойдет к решению этого вопроса путем постепенного развития". Очевидно, что в этом противостоянии, часто подаваемом Чеховым от первого лица, отчетливо слышится его собственный голос, отстаивается и исповедуемая писателем теория малых дел.

Новый поворот в судьбе Мисаила происходит с женитьбой на Маше, дочери крупного железнодорожного чиновника. Одержимая идеей, будто образованные и богатые должны работать как все, Маша уговаривает Мисаила переехать в деревенское имение и заняться сельским хозяйством. В этом, однако, их постигает та же участь, что и многих иных добропорядочных интеллигентов, задумавших личными делами помочь народу. Так, они строят школу для крестьянских детей, а крестьяне не только отлынивают от работы, но еще и воруют, обманывают, вообще платят за добро злом.

Чехов, как видно по многим его произведениям, не разделяет славянофильских идеализации, повествований о сплошь благонравных крестьянах, живущих заветами старины. Крестьяне разные. Вот как говорит о них автор, используя голос одного из своих персонажей - крепкого хозяина мельника Степана: "Оно точно, нужда, да ведь нужда нужде рознь, сударыня. Вот ежели человек в остроге сидит, или, скажем, слепой, или без ног, то это, действительно, не дай бог никому, а ежели он на воле, при своем уме, глаза и руки у него есть, сила есть, бог есть, то чего ему еще? Баловство, сударыня, невежество, а не бедность. ...А разве богатый мужик живет лучше? Тоже, извините, как свинья. Грубиян, горлан, дубина, идет поперек себя толще, морда пухлая, красная - так бы, кажется, размахнулся и ляпнул его, подлеца. ...Все они, сударыня, не стоящие. Поживешь с ними в деревне, так словно в аду".

Но работая, Мисаил постепенно привыкает к мужикам. И опять устами героя говорит автор: "В большинстве это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди; это были люди с подавленным воображением, невежественные, с бедным, тусклым кругозором, все с одними и теми же мыслями о серой земле, о серых днях, о черном хлебе, люди, которые хитрили, но, как птицы, прятали за дерево одну только голову, - которые не умели считать. Они не

шли к вам на сенокос за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, все же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, что главное на земле - правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость".

И хотя в конце концов Мисаил возвращается в город, постепенно люди начинают признавать его право на самостоятельное определение способа жить, на освобождение от дворянских предрассудков, от корпоративного "дворянского крепостного права". В известном отношении герой переживает свой собственный 1861 год: из недр "дворянской общины" он выходит в мир гражданского общества. Ему удалось показать, что основанные на свободе личностные выбор и усилия, помноженные на терпение и сопротивление внешнему насилию традиций, лени и предрассудков, способны вывести человека из состояния общественного рабства.

Столкновению стереотипов новых и старых отношений в среде земледельцев - помещиков и крестьян - посвящен и рассказ "В родном углу". После нескольких лет учебы в институте в родовое имение в донецкой степи возвращается молодая девушка Вера. В имении хозяйничает тетя сорока двух лет (которая, если считать от даты написания рассказа, выросла уже после отмены крепостного права. - С. А.). Жив и дедушка, о котором сообщается, что до воли он был очень вспыльчив и чуть что, сразу кричал: "Двадцать пять горячих! Розог!".

В имении Вере нечем заняться. Она молода, знает три языка, кончила институт, путешествовала и для чего? Казалось бы девушка, просвещенная и не чуждая идеалов, имеет все возможности для того, чтобы найти применение своим силам, внести лепту в преодоление не до конца изжитого рабства. "О, как это должно быть благородно, свято, картинно - служить народу, облегчать его муки, просвещать его. Но она, Вера, не знает народа. И как подойти к нему? Он чужд ей, неинтересен; она не выносит тяжелого запаха изб, кабацкой брани, немых детей, которых не любишь. Вот, к примеру, тетя сперва грубо обрывает заговорившего с Верой работника - отставного солдата, а потом и вовсе выгоняет его на том основании, что у него нет родни, а ей безродные не нужны. Вера, однако, не вмешивается. "Какая польза? Положим, бороться с ней (тетей. - С. А.), устранить ее, сделать безвредной, сделать так, чтобы дедушка не замахивался палкой, но - какая польза? Это все равно, что в степи, которой конца не видно, убить одну мышь или одну змею". Успокоившись и обдумав свою жизнь, Вера решает выйти замуж за неинтересного ей человека и быть как все. "Надо не жить, надо слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, как вечность, с ее цветами, курганами и далью, и тогда будет хорошо..."

Несостоявшееся столкновение "старого" и "нового" вносит дополнительные краски в понимание природы привычной патриархальной жизни. Действительно, в этой жизни крестьяне и баре иногда обращались друг к другу со словами "братец" и "батюшка", но в этой же жизни крестьяне жили подобно скотам, часто отличаясь от них только способностью к взаимному озлоблению. (Вспомним, например, хрестоматийный рассказ "Мужики".)

И тем не менее, будто не замечая происходящего, как о "золотом" времени вспоминают о временах "святой Руси" славянофилы, в том числе в "Семирамиде" А. С. Хомяков: "Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою"²⁶. И отношения эти, основанные на добрых понятиях, устанавливались, согласно славянофилам, достаточно просто: просветительские и правовые функции с древности брали на себя православные монастыри, церкви, отшельники, которые, как сеть, накрывали всю Россию, и посредством которых "распространялись повсюду **одинаковые понятия** об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в **обычай, который заменял закон**, устраивая, по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, **одну**

мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное единообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодействие разрушительных влияний...

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев, всякое изменение в общественном устройстве, не согласное со строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же predetermined порядке подчинялась семья миру, мир более обширный - сходке, сходка - вече и т.д., откуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже **само слово: право было у нас неизвестно в Западном его смысле, но означало только справедливость, правду** (выделено мной. - С. А.)".

И вот как рисует Чехов "подчинение устоям" в рассказе "Староста". Историю бывшего крестьянина Евдокима поведал в трактире подвыпивший "деревенский политик" по имени Шельма. Евдоким, местный мужик, стал работать на колокольном заводе и приехал к землякам в отпуск. Хвастает: я трудами видите, чего достиг. Трудитесь и вы. Земляки решили погулять за его счет: "Давай, Евдоким, сотню миру на водку!" А Евдоким мужик степенный, божественный. Ни водки не пьет, ни табаку не курит. Не дам! "Как так! По какому полному праву? Нешто ты не наш?" И придумал Шельма, чтобы Евдокима выбрали старостой: тогда по закону он не сможет в течение трех лет своего места покидать. Приговор мирского суда, если форма не нарушена, не подлежит кассации. Евдоким к начальству: освободите от должности. Те - не имеем права, три года служи миру. А Евдокиму на завод надо. Он - к Шельме. Что делать? Тот нашел выход: посоветовал украсть. Евдоким сначала ни в какую: доброе имя и прочее. Шельма ему: "На чертей тебе, говорю, твое доброе имя?" Делать нечего. Евдоким украл, получил полтора месяца тюрьмы, отсидел и вернулся на завод. "Так вот, братец ты мой, какая умственность! Во всем вселенном шаре другой такой политики не найдешь, как в крестьянских делах".

Рассказ "Мужики" правомерно отнести к одному из последних, если не к последнему из кругов чеховского "деревенского ада". Ад этот похлеще жизни при крепостном праве, о котором крестьяне у Чехова не только вспоминают с ностальгией, но и резонно отмечают, что на место исчезнувших порядков не пришли новые и это стало причиной сегодняшнего нестроения. "При господах было лучше, - говорил старик. ...И работаешь, и ешь, и спишь, все своим чередом. В обед щи тебе и каша, в ужин тоже щи и каша. ...И строгости было больше. Всякий себя помнил". Господа "злых наказывали розгами", а "добрых награждали".

Как бы дойдя до самой последней точки своих бытописаний и не выдерживая долее их ужасов, Чехов выносит свое заключительное суждение о деревне и мужиках. "В течение зимы и лета бывают такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит "ты" и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?".

При чтении чеховских рассказов не покидает ощущение, будто есть что-то, что руководит жизнями всех этих людей и заставляет их жить не по правде, не так, как следовало бы. Оно никак не уловимо, не называемо, но есть во всем и являет себя постоянно. Пожалуй, одно из немногих понятий, подходящих для определения этого почти что щедринского "оно", это "жизненный уклад", "строй жизни", состоявшийся веками и каждодневно проявляющий себя как через бытие всего социального целого, так и каждого отдельного человека. В основе жизненного уклада - законы вековой полурабской коллективной и индивидуальной человеческой жизни. В политике они проявляются в деспотическом строе, небрежении законом, неправом суде, господстве бюрократии. В повседневной жизни эти законы формируют сознание людей, постепенно становясь их "второй природой". Подобное мнение высказывалось не одним русским мыслителем. Так, много споривший со славянофилами и их выдуманной благой "русской стариной" А. И. Герцен допускал совсем печальный поворот: "Долгое рабство - факт не случайный, оно, конечно, отвечает какой-то особенности национального характера. Эта особенность может быть поглощена, побеждена другими, но **может победить и она. Если Россия способна примириться с существующим порядком вещей, то нет у нее впереди будущего...**" (выделено мной. - С. А.). К слову сказать, хотя с тех пор в нашей истории так и не было серьезного примера опровержения этого опасения, мы все же не стали свидетелями и его подтверждения. По-прежнему в России из века в век в каждом поколении наряду с "крепостными" продолжают появляться неведомо откуда берущиеся "европейцы".

2.

Как отмечалось, главным следствием отмены крепостного права для крестьян и помещиков стало не только исчезновение узаконенного принуждения в рамках отношений "крепостной-господин", но и устанавливаемая в обществе в качестве фундаментальной основы человеческого бытия необходимость свободного определения способов и средств жизни и деятельности. В этой связи для человека, продолжавшего оставаться несвободным внутренне, возникли страшные императивы: "делай, что хошь" и "иди, куда хошь". Эти новые условия жизни, без сомнения, изменили отношения земледельцев не только между собой, но по-новому организовали их связи с городом и властью, повлияли на строй религиозных умонастроений, сказались на состоянии нравственности.

В селе, принявшем на себя функции города, или в городе, расширившемся до того, что он поглотил село, человек вырывается из привычного, веками сложившегося круга бытия, рушатся освященные веками традиции и стереотипы поведения, появляются неведомые ранее соблазны, возникает необходимость делать личностный выбор между добром и злом. В одном случае человек останавливается и задумывается, в другом он, оказывается, уже давно все для себя решил и готов на любой грех. Так, в "Рассказе неизвестного человека" возникает образ деревенской девушки, служащей горничной и промышленяющей тем, что она все время что-то крадет у хозяина и его гостей. На вопрос героя, верует ли она в Бога, девушка отвечает положительно, а на вопрос о страшном суде и ответственности за все совершенное зло, молчит: "Она ничего не ответила и только сделала презрительную гримасу, и, глядя в этот раз на ее сытые, холодные глаза, я понял, что у этой цельной, вполне законченной натуры не было ни Бога, ни совести, ни законов, и что если бы мне понадобилось убить, поджечь или украсть, то за деньги я не мог бы найти лучшего сообщника".

Для пореформенного крестьянина, начавшего высвобождаться из общинной однородности, город не только место отдаленное, подчас недостижимое, но и чуждое, враждебное, безжалостное. Ничего не знает старуха Василиса о своей дочери (рассказ "На святках"), отданной замуж за швейцара городской водолечебницы. И когда дочь наконец получает от старухи письмо, оказывается, что ее собственные письма до матери ни разу не доходили - занятый другими заботами ее муж все как-то не отсылал их, и они терялись.

Ни с кем не может поделиться своим горем - смертью сына, бывший крестьянин, а ныне городской извозчик Иона (рассказ "Тоска"): все седоки, с которыми он пытается заговорить, разговаривать с ним не расположены, и он, наконец, изливает свои беды лошади.

В бесконечное пространство, на деревню к бабушке зовет в хрестоматийном рассказе "Ванька" его маленький герой. Рассказ можно трактовать в узком плане, чуть ли не как бытописание: в деревне - собаки, воздух тих, прозрачен и свеж, небо со звездами, заяц, леденцы и орех в зеленой бумажке у бабы на елке. А в городе - уютная комната, по обе стороны которой тянутся полки с колодками, хозяин, который нещадно бьет, и даже образ - и тот темный. На самом же деле, если взглянуть на эту историю в ином ракурсе, то есть с точки зрения становления свободных личностей, какими сделались, например, Мисаил Полознев (рассказ "Моя жизнь") или Варламов - предприниматель из рассказа "Степь", о ком речь впереди, то место Ваньки может оказаться в этом, позитивном ряду. И на то, что Ванька все-таки выживет, Чехов надеется, как бы невзначай рассказывая о живучести кобелька Вьюна: этому псу уже не раз отбивали задние ноги, раза два вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Огромное большинство крестьян, выброшенных из гарантированного крепостным состоянием нищенского, стадного, хотя и привычного бытия, в котором веками отработывалась наука выживания, ведет себя чаще всего не по-человечески, пренебрегая основами религии и морали. И это понятно: в общине место личных религиозных и нравственных чувств занимают обычаи и традиции. Взяться же этим качествам у человека, только что выделившегося из общинного целого, неоткуда. Выпав из одной - общинной - структуры общественного бытия и не создав своей, построенной на личностном начале, человек на какое-то время оказывается как бы во "внеструктурном пространстве".

О людях, выпавших из привычного хода бытия, у Чехова написано много. Страшна своей откровенностью история, сообщаемая автором в рассказе "Барыня". Это произведение, наряду с "Мужиками", словно оказывается одним из чеховских разоблачений кочующего по страницам славянофильских текстов мифа о якобы изначально заложенной в русском народе христианской сущности, его особой избранности и высоте по сравнению с другими народами. В чеховском рассказе показано, как последовательно, методично и безжалостно попирается одна из основополагающих заповедей христианства "не прелюбодействуй", как ради того, чтобы выбиться в люди, отец жертвует собственным сыном, не обращая внимания на его страдания. Развратная барыня Стрелкова назначила деревенского парня Степана Журкина быть ее любовником, для чего определила в кучеры. Женатый Степан от "милостей" бабы отказывается. Однако отец Степана, Максим Журкин, считает, что сын должен исполнять роль "кучера": "...Бедному человеку ничего не грех... И тебе было бы хорошо, и ...нам хорошо. Дурак!!". Утром Степан идет к бабы и между ними происходит объяснение: "...Барыня! - забормотал он. - Буду тебя любить... Буду все, что хочешь! Согласен! Только не давай ты им, окаянным, ничего! Ни копейки, ни щепки! На все согласен! Продам душу нечистому, не давай им только ничего! ...Пусть подохнут, окаянные, от злости!

...Барыня улыбнулась, вытерла глаза и громко засмеялась.

- Хорошо, - сказала она. - Ну, ступай! Я тебе сейчас твою одежду пришлю.

Степан вышел.

"Как хорошо, что он глуп! - Подумала барыня".

В коллизии рассказа, на мой взгляд, проявляется одна из конкретных ситуаций провала человека в "промежуточное пространство". Степан принимает личностное решение, противоречащее ценностям и традициям общины - нарушает не только принцип безусловной покорности воле отца, одновременно старшины рода, но и отказывается принять общинную норму, обязывающую делать все что угодно, вплоть до самопожертвования, лишь бы это шло на пользу общины, способствовало ее выживанию.

Новое время приносит с собой и отношения, прежде совершенно неизвестные крестьянству, да и многим помещикам. В "Новой даче" отец и сын Лычковы приходят к "барину" инженеру Кучерову с просьбой нравственно-правового характера, на самом деле относящейся к компетенции мирового судьи. Со школы нам известен чеховский "Злоумышленник", в котором обнаруживается бездна между традиционными представлениями крестьянства и правовыми нормами нового времени. Так же не может втолковать доктор пришедшему в

больницу крестьянину (рассказ "Темнота"), что он не тот человек, от которого зависит освободить осужденного за кражу мужика. Для крестьянина врач - все равно господин, одно из проявлений власти и потому он непоколебим в своей уверенности: "Доктор-то говорит, а сам все время на кулак мне глядит: не дам ли синенькую? Ну, брат, я и до губернатора дойду".

Впрочем, не может осознать своей вины в виде "оскорбления действием" крестьянина и помещик Помоев (рассказ "Интеллигентное бревно"). Возникший конфликт в том, что в ответ на побои, крестьянин подал жалобу мировому судье, приятелю Помоева, и тому нужно наказать помещика хотя бы штрафом.

"- Ну, хорошо, - начал Помоев... - ты Гришке 10 рублей присудил, а на сколько же ты его в арестантскую уpek?"

- Я его не упекал. За что же его?

- Как за что? - вытаращил глаза Помоев. - А за то, чтоб жалобы не подавал! Нешто он смеет на меня жалобы подавать?" Никак не может признать своей вины за избиение крестьян и унтер Пришибеев, герой одноименного рассказа. Правовые отношения в его понятии, штука довольно однозначная и должна быть раз и навсегда усвоена крестьянами, точно так же, как и он, честный и уважающий власть солдат, крепко усвоил их и всегда будет стоять на их страже.

Вместе с тем, не только новые понятия с трудом находят место в мирознании земледельца пореформенного периода, но и старые изживаются медленно и трудно. Так, помещик Трифон Семенович (рассказ "За яблочки"), как и в крепостные времена, наказывает пойманных в своем саду крестьян проверенными временем способами: "Вора он или запирает на сутки в погреб, или сечет крапивой, или же отпускает на свою волю, предварительно только раздев его донага...."

Кроме привычки к жизни по-старому, в своих героях Чехов часто отмечает полное отсутствие соответствующих новому времени понятий, а также неумение как следует взяться за дело, которого не было в прежней крепостной жизни. Так, героиня рассказа "Бабы царство" помещица и одновременно хозяйка завода Анна Акимовна управляет промышленным предприятием, как своими дворовыми в имении. Ежемесячно она рассматривает массу просьб и распоряжается по каждой дать сколько-нибудь денег. И за деньгами в контору выстраивается очередь из "людей со звериными лицами, в лохмотьях, озябших, голодных и уже пьяных... А свои рабочие, не получившие к празднику ничего, кроме своего жалованья, и уже истратившие все до копейки, будут стоять среди двора, смотреть и посмеиваться - одни завистливо, другие иронически". Размышляя о порядке управления, она неожиданно принимает решение вместо раздачи мелких денег многим, осчастливить крупной суммой - 1500 рублей - одного, выбранного наугад. "Ехать к какому-то Чаликову, когда дома постепенно разрушается и падает миллионное дело, и рабочие в бараках живут хуже арестантов, - это значит делать глупости и обманывать свою совесть", - резюмирует отношение к этой новации Чехов.

Рассказ, сопровождающийся подобными авторскими заключениями, для Чехова не исключение, а скорее, правило. Исключение же составляют повествования о том, как и кем успешно делаются какие-либо позитивные дела. Эти "деловые люди" - либо редкие исключения из дворянской среды, подобно Мисаилу Полозневу или Егору Семеновичу, взрастившему великолепный фруктовый сад, который он не знает кому передать (рассказ "Черный монах"), либо вовсе люди новые, поднимающиеся "с низа". Таков, к примеру, почти легендарный Семен Александрович Варламов, торговец шерстью из рассказа "Степь". В описании Чехова это небольшой человек с бородкой и простым, загорелым русским лицом, которое выражает "деловой фанатизм". "Этот человек сам создавал цены, никого не искал и ни от кого не зависел; как ни заурядна была его наружность, но во всем, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью". Автор рисует лишь одно проявление Варламова - его недовольство бестолковым и нерасторопным помощником, но и этой зарисовки достаточно, чтобы почувствовать хватку настоящего предпринимателя. "Крутой старик... - бормотал Пантелей. - Беда, какой крутой! А ничего, хороший человек... Не обидит задаром... Ничего...."

Что же позитивного видит в Варлаамове старый погонщик? Ответ подсказывает тот же Егор Семенович из рассказа "Черный монах": "Весь секрет успеха не в том, что сад велик и рабочих много, а в том, что я люблю дело - понимаешь? - люблю, быть может, больше, чем самого себя. ...Весь секрет в любви, то есть в зорком хозяйском глазе, да и в хозяйских руках, да в том чувстве, когда поедешь куда-нибудь в гости на часок, сидишь, а у самого сердце не на месте, сам не свой: боишься, как бы в саду чего-нибудь не случилось". Любовь к делу и необходимость учиться делать его - вот то новое, что принесла с собой свобода от крепостного права, давшая некоторым земледельцам - крестьянину и помещику, - пусть не сразу, возможность стать хозяином - собственником. В рассказе "Жена" о новом качестве отношений народа и господ Чехов заключает: "Пока наши отношения к народу будут носить характер обычной благотворительности, как в детских приютах или инвалидных домах, до тех пор мы будем только хитрить, вилять, обманывать себя, и больше ничего. Отношения наши должны быть деловые, основанные на расчете, знании и справедливости. ...Ах, если бы мы поменьше толковали о гуманности, а побольше бы считали, рассуждали да совестливо относились к своим обязательствам!".

В этой связи перед исследователем возникает интересный и очень важный для проблемы мирознания земледельца вопрос о традиции русской литературы в изображении положительного героя, делового человека. Думаю, что положительные персонажи Чехова достойно продолжают гоголевских героев второго тома "Мертвых душ" - помещика Скудронжогло и предпринимателя Муразова, равно как и гончаровского Штольца, тургеневского Хоря, толстовского Левина.

По-своему "положителен" в своем жизненном деле, в своем преодолении традиционных порядков жизни священнослужителей приходской священник отец Яков (рассказ "Кошмар"). Рисуя этот образ, Чехов еще раз подчеркивает одну важную особенность любого положительного героя: он невозможен вне глубоко развитого нравственного сознания. В рассказе Кунин, помещик тридцати лет, чье имение заложено и который живет на жалованье неперменного члена по крестьянским делам присутствия, встречается с отцом Яковом по поводу открытия в селе Синьково церковноприходской школы. Священник производит на него неприятное впечатление своей "неопрятностью". Кунин даже решает, что священник "недостаточно развит, кажется, ведет нетрезвую жизнь", о чем и пишет архиерею. Ситуация проясняется, когда священник приходит просить у Кунина место писаря, причем согласен вместо предлагаемых двадцати рублей работать за десять. Выясняется, что на свое жалованье - 150 рублей в год - он оплачивает учебу брата, выплачивает долг за себя, дает деньги своему предшественнику - священнику, которого "лишили места за ...слабость". Поэтому дома у него нет даже чая, а просить помощи у нищих мужиков он не может из гордости⁴⁸.

Тема положительного героя, человека труда, делающего реальное полезное дело, становится одной из ведущих и сквозных для пьес "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры" и "Вишневый сад" - своеобразной вершины чеховского творчества, в котором, как выразился писатель в одном из писем, он пытался понять, как "социальные условия весну отбирают".

Общее для всех пьес настроение - ожидание ухода, отъезда, оставления прежнего привычного мира с его делением на господ, как правило - бездельников, и обслуживающего их и, за редким исключением, почти не представленного в пьесах, крестьянского мира. Действие разворачивается на фоне именно этих предотъездных ожиданий, мыслей героев о том, что на новом месте им предстоит начинать новую жизнь. Ожидание переезда обуславливает тему разговоров героев: как они жили и как собираются жить в дальнейшем. При этом часто они либо, если в их теперешней жизни есть настоящий труд, проявляют склонность рассуждать о тех проблемах, с которыми он реально связан, либо сосредоточиваются на фантазиях ("философствованиях", как они это называют) о будущей жизни. Именно в этой ситуации и выявляется, что такое для Чехова "позитивный" труд.

Как известно, в "Чайке" начинающий писатель Треплев невольно оказывается в конкурентных отношениях с маститым писателем Тригориным. Однако конкуренция их разворачивается не в сфере собственно литературы и касается реакции тех, к кому они адресуют-

ся. Главный адресат для Треплева - Нина Заречная и мать, для Тригорина - признающая его талант читающая публика. Драма обоих в том, что ни того, ни другого не удовлетворяет отклик на их труд. Тригорин сам о себе говорит как о посредственном писателе, которого не станут читать после Тургенева и Толстого. Маловероятно, чтобы и труд Треплева вызывал высокую оценку. По крайней мере, он не становится "мостиком" для налаживания отношений с матерью - сочинения сына она вовсе не читает. Не помогает он и в том, чтобы добиться ответного чувства у Нины. В истолкованной таким образом логике Чехова оказывается, что одно из несомненных качеств "позитивного" труда - его востребованность, отклик на него у другого человека.

Два типа труда предлагает к рассмотрению Чехов в "Дяде Ване". Один - упорный и самоотверженный труд на благо людей доктора Астрова. Другой - не менее упорный и самоотверженный, но для благополучия недостойного этих усилий человека - труд Ивана Петровича Войничского, дяди Вани. Астров - реалист. Он прекрасно знает цену и народу, и интеллигенции. Он не надеется дожить до благополучных времен, когда труд будет непременно условием жизни каждого, а его результаты принесут осязаемое благо. И тем не менее Астров упорно трудится, потому что любит свое дело, сознает, что его усилия нужны людям и, кроме того, может быть, помогут хоть немного изменить жизнь к лучшему (помимо врачевания, он, как помним, озабочен и спасением лесов).

Вместе со своей племянницей Соней трудится и дядя Ваня. Но его труд обеспечивает безбедную жизнь пустому человеку. Это фактическое сознательное рабство, от которого герой не отказывается даже тогда, когда адресат его помощи - профессор Серебряков, в полной мере обнаруживает личную непорядочность (профессор, как помним, предлагает продать имение, в котором живут дядя Ваня и остальные герои, и на вырученные деньги купить для него дачу в Финляндии). Почему же "добровольные крепостные" живут именно так, на что надеются? Знаменателен финальный монолог Сони, который, как рефрен, сопровождают слова: "Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... Наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...". Что же перед нами: ничем не объяснимая покорность, граничащая с "органическим" рабством; неверно понятое христианское смирение; личностная неспособность что-либо менять или слепая вера в судьбу? Ответа нет. Несомненно, однако, что и дядя Ваня, и Соня - люди сильно уставшие и не имеющие сил и желания что-либо менять в своей жизни. Очевидно, Чехов хотел сказать, что для "позитивного" труда непременно требуется либо страстное желание, какое есть, например, у Егора Семеновича, выращивающего любимый сад ("Черный монах"), либо воля, как у доктора Астрова.

В "Трех сестрах" тема "позитивного" труда поворачивается двумя сторонами. Во-первых, как скучный, неинтересный, изматывающий своей бессодержательностью сегодняшней труд. Так трудятся Ольга - в училище, Ирина - на телеграфе, а затем в городской управе, Андрей - в земской управе. Их надежда в том, что их сегодняшний труд, страдания когда-нибудь в будущем "перейдут в радость для тех, кто будет жить после...". Во-вторых, "позитивный" труд существует как прекраснотушные мечтания тех, кто сегодня к "позитивному" труду отношения фактически не имеет. Это "философствования", по-видимому, не слишком обремененных военной службой Вершинина и Тузенбаха о том, как будут жить и трудиться люди через двести-триста лет после них. На самом деле, это мечтания о том времени, когда, как верно замечает Андрей Прозоров, люди будут свободны "от праздности". Соединяясь, эти две стороны как бы доносят до нас одно целое: "позитивный" труд должен быть содержателен для настоящего и значим для будущего. Такова еще одна, фиксируемая Чеховым грань темы "позитивного" труда.

Однако наиболее полное развитие эта тема получила в пьесе "Вишневый сад". В ней в концентрированном виде Чехов представил все множество составляющих ее аспектов. "Старый мир", в котором одни беспечно жили "в долг", за счет других, представлен разоряющейся помещицей Раневской, ее ни к чему не способным братом Гаевым, недалеким и бездельным помещиком Симеоновым-Пищиком, студентом-недоучкой Трофимовым, слугой Фир-

сом. За исключением студента и слуги, эти персонажи постоянно озабочены тем, что в современном языке получило название "халявы" - дохода без труда. Так, Раневская ожидает денег от богатой родственницы, с тем чтобы использовать их не по оговоренному условию для дочери, а для очередной поездки к любовнику в Париж. Гаев, мечтавший договориться об отсрочке платежей, неожиданно получает предложение служить в банке, к чему он совершенно не приспособлен, но рад стабильному доходу. Симеонов-Пищик, только что промотавший деньги, полученные за то, что по его землям прошла железная дорога, вновь попрошайничает у Раневской, а в финале появляется радостный - на его земле англичане нашли белую глину и теперь платят ему за аренду.

В отличие от этих людей "старого времени" предприниматель Ермолай Лопухин - человек дела. Происходящий из крепостных, он всего добился своим трудом и, в отличие от так называемых господ, демонстрирует им не только сохраненную с детства симпатию, но подлинное бескорыстие и даже готовность поступиться ради них своими интересами. Так, будучи экономически заинтересован в извлечении дохода от покупки имения с целью переустройства его впоследствии под дачи и получения высокого дохода, он, тем не менее, настойчиво и неоднократно советует поступить таким образом самой Раневскую. Очевидно, что "капиталистический хищник", каким часто трактовался Лопухин в отечественном литературоведении, личную выгоду не упустит. Напротив, сохранив план до поры в тайне, он потом воспользуется им самолично.

Почему же Лопухин ведет себя именно так? Отвлекаясь от многих объяснений, имеющих отношение к данной коллизии в самой пьесе, остановлюсь на одном, может быть, в меньшей степени вероятном, но возможном. Оно имеет отношение к мировоззрению самого Чехова, его пониманию развития страны в недалеком будущем. Мне представляется, что через образ Лопухина Чехов исследовал возможность установления (так и не возникшей в действительности) прочной связи между реальной самодержавной Россией и будущей Россией - буржуазно-демократической. Согласимся, что если бы такая связь возникла и такой переход состоялся, то дело до большевистского переворота в нашей стране не дошло: для него не нашлось бы почвы, как не нашлось для него почвы в буржуазных демократиях Европы. Впрочем, и Чехов понимал это: дворянство как элемент самодержавия в России было столь развращено крепостническими порядками, что сама идея трудиться казалась ему абсурдной. И потому протянутая дворянству лопухинская рука повисает в воздухе. "Сейчас уедем, и вы опять приметесь за свой полезный труд", - иронизирует в финале в разговоре с Лопухиным Петя Трофимов. То, что Лопухин примется трудиться, несомненно, а вот займется ли наконец чем-нибудь дельным остальные, включая мечтателя-болтуна Петю Трофимова?

В "Вишневом саде", на мой взгляд, тема "позитивного" труда получила у Чехова завершение. Писатель как бы подвел итог своим многолетним исследованиям о том, кто вместо ушедшего крепостного крестьянина и других производящих субъектов старого общества может стать новым создателем. В отношении помещиков-крепостников и иных облеченных властью "героев прошлого времени" вывод неутешителен: среди них нет почти никого, кто бы чего-нибудь стоил в деловом плане. Развращенные крепостными порядками "господа" в новых условиях примеров самозабвенной деятельности не обнаружили. Впрочем, и в отношении крестьян примеров выхода из общинного рабства и начала занятий созидательным трудом без серьезных моральных потерь Чехов также немного привел.

"Позитивные" чеховские герои - рабочий Мисаил Полознев, торговец Семен Александрович Варламов, адвокат Михаил Подгорин, садовод Егор Семенович, священник Яков, земский врач Астров, предприниматель Ермолай Лопухин. Именно они - строители нового мира, о котором так страстно мечтали три сестры.

* * *

Завершая философско-литературоведческий анализ чеховских произведений с особым акцентом на персонажах земледельцев - помещиков и крестьян, - а также некоторых фигур, чья деятельность тесно связана с аграрным трудом, хотел бы привести одно важное наблюдение писателя из редкого для чеховского творчества публицистического документа "Наше

нищенство". Как отмечает Чехов, в самодержавной России, в которой на протяжении всей истории не было полноценной частной собственности, естественно, отсутствует и уважение к ней. Следствием этого, по мнению писателя, стала "привычка не уважать чужой труд". Научиться "уважать чужой труд и чужую копейку", - в этом Чехов видит одну из важнейших общественных задач. И поскольку эти качества не могут быть отнесены к обществу с отношениями крепостной зависимости, главное внимание Чехов сосредоточивает на высвобождении человека из состояния несвободы, на "позитивном" труде как главном инструменте и средстве этого освобождения. Должен ли заниматься этими вопросами писатель? Безусловно, да. "Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, - писал А. И. Герцен, - это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение...".